

Фромметт Борис Робертович

**Очерк по истории
студенчества в России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б82

Б82 **Борис Робертович Ф.**
Очерк по истории студенчества в России / Фромметт Борис Робертович – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 134 с.

ISBN 978-5-521-28748-2

ISBN 978-5-521-28748-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

лись въ одной школѣ съ людьми «изъ самой подлосты» (хотя «положенныхъ въ подушный окладъ въ университетъ принимать запрещается», сообщает Ломоносовъ). Въ проектѣ 1735 года барона Корфа предлагалось «благороднѣйшихъ, отдѣлить отъ простолюдиновъ, дабы они въ самомъ издѣнствѣ не повредились». Точно также Миллеръ, мечтавшій о радикальной реформѣ университета и академической гимназій, писалъ Эйлеру: «въ особенности послѣднюю необходимо настолько улучшить, чтобы и значительные родители отдавали въ нее на воспитаніе своихъ дѣтей». Все же дворянство предпочитало иностранные пансіоны и домашнихъ гувернеровъ, хотя и были созданы различныя гимназій: для дворянъ и для разночинцевъ. Но университетъ сгеднивалъ сословія, такъ какъ и безъ того въ немъ оказывалось мало учащихся.

Въ Петербургѣ за четыре года въ студенты вышло всего двадцать человекъ. Въ 1763 году числилось лишь 17 студентовъ. Въ Москвѣ наблюдалась такая же картина, хотя студентамъ оказывали всевозможное вниманіе. Въ 1757 году «для лучшаго ободренія и поощренія учащагося юношества въ наукахъ» императрица пожаловала многихъ (въ томъ числѣ Потемкина) въ капраны гвардіи, а Бориса Свѣтлыкова — въ армейскіе прапорщики. По понятіямъ того времени (а можетъ, и для нѣкоторыхъ нашихъ современниковъ) — это была честь гораздо большая, нежели полученіе казенной стипендіи. Нерѣдко, впрочемъ, способныхъ людей родители еще раньше отдавали на службу; на университетъ не обращали почти никакого вниманія и директоръ умолялъ куратора не давать отпусковъ ниаче, какъ только во время ваканцій.

Профессора нерѣдко сполнѣ соответствовали учащимся. Лучшіе изъ нихъ свратившими уроками довольно скоро

пайки себя состояніе» (Шестерть). О худшихъ расхо-
дѣхъ Фавезантъ, прерасно учащійся и получающій
три золотыхъ медалей: «Арифметическій шлангъ учитель
пилъ смертную чашу; латинскаго языка учитель былъ
притѣренъ вѣзврасіа, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ».

Студенческіе диспуты, поднимавшіеся сначала довольно
усердно, послѣ почти совершенно прекратились. Мало
кто беспокоился объ окончаніи курса. Изъ актовъ по-
сереженія московскаго университета 1770 года видно, что
300 студентовъ выбыли, не окончивъ курса, и только двое
окончили его.

«Безъ сомнѣнія было 10000 дворянъ состоитъ на
службѣ, — говорила сама Екатерина Сатору: — въ однихъ
гвардейскихъ полкахъ ихъ болѣе 3000; армія, кадетское
корпуса, числомъ три, въ коняхъ болѣе тысячи человекъ,
и изъ которыхъ постоянно жалуются въ то, что они не
принимавтъ всѣхъ желающихъ поступить туда; ослѣ и
артиллерія наполнены дворянами, не считая гражданскаго
вѣдомства и двора». Учиться же въ университѣ дворяне
рашительно не хотѣли. Поэтому въ одномъ «просвѣщен-
номъ» преемѣ Екатерины II, который, подобно другимъ
своимъ собратьямъ, такъ и остался только проектомъ, въ
принципѣ признавалось: «несвободные люди также должны
имѣть право быть въ университетѣ; когда несвободные
люди будутъ въ университетѣ учиться, какъ и прочіе
студенты, то сила науки и ученые люди много не бу-
дутъ унижены, такъ какъ цари и царицы не унижаются
тѣмъ, когда несвободные бывають съ ними въ высш. въ
храмахъ и слушаютъ слово Божіе».

Но при строгательномъ отношеніи государственнаго
дѣла, наука не могла процвѣтать. Прислано въ угоду
дворянству при основаніи университета въ 1770 году

занять большой благородный пансион—сначала на 12 человек, но потом значительно увеличенный. Он почти весь занимал дворянских питомцев университета, а впоследствии даже соперничал с университетом.

Поскольку вообще политика правительства по отношению к высшему образованию приобретала более ясно выраженный классовый характер, постольку дворянство, считаясь с впадинами времени, стало оказывать небольшую поддержку делу просвещения.

В 1781 году в Москвѣ профессор Шварцъ организовалъ «Собраніе университетскихъ питомцевъ» «для упражненія въ сочиненіяхъ и переводахъ». Рядъ новиковскихъ изданій (особенно «Вечерняя Заря» и «Покойщійся трудолюбецъ»), выходили въ свѣтъ, благодаря работамъ студентовъ. Кураторъ университета Мессиньо сначала былъ недоволенъ дѣятельностью общества, но послѣ того, какъ выслушалъ рѣчи и стихи учащихся, «самъ прослезился и расцѣловалъ ихъ». Въ Петербургѣ въ 1785—87 гг. воспитанники главнаго народнаго училища выпустили 24 книги сборника «Растущій виноградъ», посвященнаго Екатеринѣ II.

Конецъ XVIII вѣка историкъ московскаго университета, посвѣтившій свою книгу Николаю I, живописуетъ такъ: «Судя по спискамъ студентовъ, мы видимъ, что отличіише изъ нихъ оставались уже гораздо долѣе въ Университетѣ, нежели какъ бывало прежде. Видно, наука все болѣе и болѣе увлекала студентовъ, а патріархальныя въ самомъ лучшемъ смыслѣ слова нравы университета, семейно-радушное обхожденіе начальниковъ и старшихъ, дружелюбное обращеніе съ товарищами, мысленная симпатія, сдружившая юность, благородныя стремленія, литературныя и художественныя, принадлежали къ

университету угамъ любви, похвальной на любовь къ родинѣ». По окончаніи курса, учащіеся легко себѣ находили мѣста. Въ 1787 году въ московскомъ университетѣ было 82 студента (въ гимназіи—1010).

Дворянство укрѣпилось и стало большое вниманіе обращать на «военныя экзерциціи». «Съ Военной пѣды, т.-е. съ весны, начинались по вечерамъ военныя экзерциціи. Студенты, наставленные офицерами, дѣлали ученикъ (гимназіи—Б. Ф.) по желанію нѣтъ изъ роты и учили ружейнымъ приёмамъ, выправкѣ и строю. Въ лѣтнюю вакацію эти занятія повторялись еще чаще и продолжались до сентября. Осенью бывалъ университетскому потѣшному баталіону смотръ».

Дворянство, такимъ образомъ, обратило, наконецъ, свое вниманіе на высшее образованіе. Оно проектировало даже, открываемый въ 1802 году Дерптскій университетъ, всецѣло подчинить университетской коллегіи кураторовъ—депутатовъ отъ всѣхъ частей прибалтійскаго дворянства. Кураторы должны были назначать и увольнять профессоровъ, сѣдить за ходомъ и характеромъ преподаванія, наблюдать за всеми университетскими учрежденіями и распорядиться денежными средствами.

Но періодъ до 1815 года—либеральная пора царствованія Александра I, естественная реакція свободомыслия послѣ деспотизма Павла. Въ 1802 г. было учреждено министерство народнаго просвѣщенія, а въ 1804 г. университетскій уставъ далъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ автономію и независимость. Хорошіе результаты не замедлили сказаться. По словамъ Д. И. Баталіа, «въ коридорномъ университетѣ, въ началѣ XIX вѣка, сто лѣтъ тому назадъ, среди студентовъ уже существовали: библейское общество, научно-литературный кружокъ, научно-литератур-

турныя задания, собесѣдованія профессоровъ со студентами и, наконецъ, у казеннокоштныхъ студентовъ было общее сѣденіе хозяйства; кромѣ того, самъ университетъ доставлялъ имъ средства для эстетическаго и физическаго развитія, иными словами—были студенческія организаціи, преслѣдовавшія цѣли умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго усовершенствованія».

Но даже въ либеральную пору, съ точки зрѣнія правительства, университетъ приготовлялъ юношество «для вступленія въ различныя званія государственной службы», и профессора именовались: «чиновникъ по философін», «чиновникъ по словесности», «чиновникъ по естественному праву».

Науки ни въ какомъ случаѣ не должны были и тогда, по мнѣнію правительства, отвлекать отъ военной службы. Московскій профессоръ Сохацкій однажды сказалъ слово на тему: «Долгъ благороднаго русскаго юношества, долгъ каждаго изъ насъ,—служить отечеству оружіемъ, до приобрѣтенія нами опытности, дабы въ свое время вступать во храмъ Фемиды». Въ высочайшемъ рескриптѣ на имя министра гр. Завадовскаго отъ 14 марта 1807 года говорилось: «Студенты, окончившіе ученіе въ университетахъ, пріѣхавъ въ С.-Петербургъ, должны явиться въ одинъ изъ кадетскихъ сухопутныхъ корпусовъ, куда будутъ они немедленно приняты унтеръ-офицерами, и пробывъ въ оныхъ определенное время для приученія ихъ къ военной службѣ, будутъ выпускаемы и опредѣляемы въ полки офицерами». Въ 1807 году многіе изъ студентовъ Московскаго университета проявили науку на фронтѣ. О 1812-мъ годѣ и отношеніи къ нему поспѣшнѣе восторженно рассказываетъ Шевыревъ. «Когда раздался преславленный голосъ брани за царя и отечество, университетъ»

лась вообще высоко. Студенческія правила гласили, «дабы они (т.-е. учащіеся—Б. Ф.) въ комнатахъ между собой въ разговорахъ поставляли себѣ особенной обязанностью говорить между собою всегда по-латыни». Но на практикѣ было иначе.

Поражало низерное количество студентовъ. Въ Казанскомъ университетѣ къ 1 января 1807 года числилось 52 учащихся, 1808 г.—40, 1809 г.—33, 1810 г.—33, 1811 г.—34, 1812 г.—44. Подавляющее большинство были дѣти дворянъ и чиновниковъ. Въ 1808 году, напримѣръ, дѣтей: дворянъ—16, чиновниковъ—20, купцовъ—2, иностранцевъ—1 и одинъ воспитанникъ.

Университетъ изобрѣлъ дѣленіе на младшихъ и старшихъ, чтобы увеличить количество своихъ питомцевъ. Главнымъ отличіемъ была шнага—привиллегія старшихъ. «Въ отдѣленіи младшихъ студентовъ,—предлагалъ совѣтъ въ 1811 году,—могутъ находиться и изъ купеческаго и изъ другого званія, поелику они не будутъ дѣйствительные студенты, а, слѣдовательно, и имѣть правъ, онымъ присвоенныхъ; университетъ же черезъ то приобрѣтетъ большее число слушателей и тѣмъ принести можетъ большую пользу для народнаго просвѣщенія». Попечитель съ нѣбніемъ совѣта согласился.

«Попечительное начальство съ заботливою пошчительностью безпрекословно старается изыскивать случаи къ ободренію»,—разсказывали администраторы. Но «случаи» не представлялись. На лекціи къ нѣмецкимъ профессорамъ ходили одинъ, много — два, слушателя. Кидалась въ глаза масса неподготовленности, неразвитости, грубости. Въ инспекторатѣ бросались корками хлѣба; одного (Броннера) даже ранили въ лобъ, грозили убить его. О томъ, какихъ успѣховъ достигали нѣкоторые студенты, можно

судить на основаніи слѣдующихъ словъ инспектора: «Я порицалъ за лѣность гг. Кожевникова, Чхейзе и де-Роберти, которые не могли мнѣ ни назвать, ни показать что-либо или писанное, сочиненное или прочитанное» (курсивъ нашъ—Б. Ф.). А иной студентъ уѣдетъ на вакаціи и не возвращается *молто, а кда*. Вернувшись, такіе субъекты пьянствовали, развратничали; въ нихъ помѣщеніяхъ господствовала удивительная неаккуратность, а сами они поражали своей нечистоплотностью. Все это не мѣшало имъ кичиться «благородствомъ», которое они проявляли всякими нецензурными выходками. Мальчишка 15 лѣтъ, Бабановскій, выскы безъ всякаго повода съ ея стороны 10-лѣтнюю дѣвочку, дочь сторожа. Когда отецъ посмѣлъ выразить свое неудовольствіе, студентъ закричалъ:—Какъ ты смѣешь! Я самъ благородный и отецъ у меня полковникъ!

Научная работа студенчества часто выражалась въ томъ, что они вели со вѣи университета. Такъ, М. Н. Муравьевъ (впослѣдствіи знаменитый «Муравьевъ-вѣпатель») въ 1810 году собралъ у себя на квартирѣ вѣскольکو десятковъ слушателей и создалъ *de facto* математическій факультетъ. Занятія тамъ были поставлены очень серьезно. Н. Н. Муравьевъ, отецъ М. Н. стоявшій во главѣ этого начинанія, получалъ отъ государя брилліантовый порстень и орденъ. Въ 1815 году, князь П. М. Волконскій, озабоченный подготовленіемъ образованныхъ офицеровъ, предложилъ слушателямъ лекцій общества математиковъ поступить на службу въ качествѣ колонновожатыхъ. 45 слушателей образовали новое учебное заведеніе, лекторами котораго сдѣлались бѣтшіе студенты. До 1826 года въ этомъ учебномъ заведеніи получали образованіе 180 молодыхъ людей, изъ которыхъ составилось офицерство гвардейскаго

штаба. Здѣсь учился многіе декабристы, какъ Н. Муравьевъ, Басаргинъ, Мухановы и т. д.

Такъ было въ ту пору, когда существовало благожелательное отношеніе правительства къ наукѣ. 1812-й годъ, по собственному признанію Александра I, имѣлъ для него *просвѣтительное* значеніе. Пресвѣтилъ реакцію онъ вообще. Многое изъ прошлаго сохранилось... но только на бумагѣ. «Уставъ 1804 года продолжалъ дѣйствовать и въ изучаемую нами эпоху, — пишетъ историкъ о періодѣ послѣ 1815 года, — вплоть до замѣны его новымъ въ 1835 году». Но характеръ университетскаго управленія и самоуправленія въ это время значительно, можно сказать рѣзко, измѣнился въ связи съ измѣненіемъ правительственныхъ взглядовъ на университеты, — на цѣль, характеръ и средства университетскаго преподаванія и науки. Консервативный Карамзинъ не сочувствовалъ «мистической педогогіи». «Соединеніе двухъ министерствъ (народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ) — писалъ онъ Н. И. Дмитріеву — послѣдовало съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы мірское просвѣщеніе сдѣлалось христіанскимъ. Отнынѣ кураторами будутъ люди павѣстнаго благочестія. Кингерь уволенъ; мнѣ казались, что онъ считается вольнодумцемъ. Немуद्रою, если въ наше время умножится число лицемѣровъ». Константинъ Павловичъ откровенно опасался возвращенія къ средневиковой, «*middle age*».

Но надо забывать, что благочестіе было тѣсно связано съ наступившею праксеевщиной. Подъ эгидой священнаго союза произвели полный разгромъ университетовъ. Ревизоромъ казанскаго университета послали Магницкаго. «Профессора читаютъ лекціи, но не преподають ихъ»; латинскій языкъ въ упадкѣ; Закона Божьяго не

овели, несмотря на предложеніе Броннера, — доносить Магницкій, предлагая или приостановить дѣятельность университета или вовсе разрушить его! Ограничились реформами, провести которыя поручили .. Магницкому. Нѣкоторые профессора были уволены, доводчиковъ онъ оставилъ. Но скоро главного изъ нихъ, Солнцева, тоже выгнали: «Въ преподаваніи точныхъ наукъ долженъ быть одинъ духъ Св. Евангелія», поучалъ ревизоръ, а Солнцевъ, читавшій естественное право, повидимому, подсолонилъ; пересола же тогда не боялись. Одинъ профессоръ такъ опредѣлялъ гипотенузу: «Гипотенуза въ треугольномъ треугольникѣ есть символъ срътенія правды и міра, правосудіи и любви, черезъ ходатая Бога и челоуѣковъ, соединившаго горнее съ дольнимъ, небесное съ земнымъ». За «опасные» предметы не рисковали браться. Желающаго читать въ Казани разръшенный курсъ о конституціяхъ въ 1826/7 году не оказалось. Съ 1827/8 года министерство само его упразднило. Казанскій университетъ былъ приведенъ реформами Магницкаго въ такое состояніе, что въ 1826 году второй ревизоръ, Жетухинъ, сообщалъ о лиценціи профессоровъ, сокращеніи числа учащихся и т. д.

Въ Петербургѣ также успѣшно дѣйствовалъ Рундчъ. Поэтому въ петербургскомъ университетѣ, по словамъ его историка, «уровень преподаванія съ 1822 по 1832 годъ находился вообще на высотѣ весьма незавидной». Какъ рассказывалъ одинъ студентъ того времени, въ числѣ преподавателей не было «ни духа науки, ни ученаго достоинства».

Оба патріота — и Магницкій, и Рундчъ — въ концѣ концовъ пророзались. Но свою преслѣдательную миссію они выполнили блестяще. Неудивительно, если Карам-